

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются основные подходы к изучению девиантного поведения: биологический, психологический и социологический. Подробно представлены школы социологического направления: экономическая, теория аномии, теория научения, Чикагская школа, теория субкультур, теория стигматизации, теория конфликта.

Ключевые слова: девиантное поведение, биологический подход изучения девиантности, психологический подход изучения девиантности, социологический подход изучения девиантности, экономические теории девиантности, теория аномии, теория научения, Чикагская школа, теория субкультур, теория стигматизации, теория конфликта.

Abstract. In article the basic approaches of studying of deviant behaviour are analyzed: biological, psychological and sociological. Schools of a sociological direction are in detail presented: Economic theory, Anomie theory, Learning theory, Chicago School, Labeling theory, Conflict theory.

Keywords: deviant behavior, biological approach of studying of deviant behavior, psychological approach of studying of deviant behavior, sociological approach of studying of deviant behavior, Economic theories of deviant behavior, Anomie theory, Learning theory, Chicago School, Labeling theory, Conflict theory.

На сегодняшний момент существует большое количество общих и частных концепций девиантности, авторы которых, как правило, концентрируют внимание на каком-либо одном (реже – на двух–трех) аспекте девиантного поведения. В свою очередь существует несколько типов классификаций теорий девиантного поведения. Тем не менее, традиционно все многообразие подходов сводят к трем направлениям, явившим собой отражение идей позитивизма: биологическому, или антропологическому, психологическому и социологическому. И хотя позитивизм в «чистом виде» давно сменили плюралистические концепции, неомарксизм, «критическая криминология», постмодернизм, однако с начала возникновения этих трех направлений и до сегодняшних дней мы почти безошибочно можем отнести к тому или иному из них любую девиантологическую школу, теорию, концепцию.

Биологическая (антропологическая) трактовка природы и причин девиантного поведения имеет давнюю историю, однако классические научные труды данной ориентации появились лишь в XIX в. Бесспорным родоначальником биологического направления считается тюремный врач Чезаре Ломброзо (1836–1909), который одним из первых поставил в центр исследования девиации самого индивида с позиции его телесных, антропологических особенностей. Результаты исследований и выводы о «прирожденном» преступнике, отличающемся от других людей чертами «вырождения», нашли отражение в труде «Преступный человек» (1876). Несмотря на то, что еще при жизни результаты антропологических исследований Ч. Ломброзо были развеяны ученым Ч. Горингом, проводившим исследование среди заключенных и учащихся Оксфорда, миф о «врожденном преступнике» получил широкое распространение.

Идеи Ч. Ломброзо развивали Э. Ферри и Р. Гарофало, которые признавали роль наследственных факторов, особое внимание уделяли психологическим и социальным факторам. Оба ученых, занимаясь поиском причин преступлений, отрицали идею свободы воли. Немецкий психиатр Э. Кречмер и его последователь У. Шелдон также обосновывали связь между типом строения тела, характером человека, а следовательно, и его поведенческими реакциями, включая преступные.

По мере развития современной биологии и генетики в рамках биологического направления возникают все новые и новые теории: хромосомная теория П. Джекобса, теории частоты пульса, уровня серотонина и тестостерона в крови и т.п.

Таким образом, в рамках биологического направления отклоняющееся и преступное поведение рассматривается без должного внимания к историческим, культурным и социальным взаимодействиям девианта, а последний рассматривается как «биологический продукт». Более того, данное направление дискредитирует само себя. Во-первых, результаты исследований нередко противоречивы (Ч. Ломброзо и Ч. Горинг, П. Джекобс и Т. Поуледж); во-вторых, ряд исследований показал, что уровень гормонов чувствителен к внешним условиям; в-третьих, не существует никаких доказательств специфического влияния вышеуказанных биологических фактов на девиантное поведение. В целом биологическое направление пытается характеризовать индивидуальные причины девиантного поведения, не объясняя девиантность как социальный феномен.

Психологическое направление в изучении девиаций тесно связано с биологическим в том смысле, что оно индивидуалистично, а сами отклонения в поведении выступают, по мысли сторонников этого подхода, прежде всего как продукт тех или иных врожденных или приобретенных особенностей биологии и психики человека.

Становление психологического направления связывают с именами Р. Гарофало и Г. Тарда. Р. Гарофало в работе «Критерии опасного состояния» (1880) обосновал клинический подход к изучению преступника. Г. Тард в своих книгах «Законы подражания» и «Философия наказания» (обе вышли в 1890 г.) объяснил преступное поведение подражанием и обучением.

В основе психологического направления исследований девиаций лежит ряд психологических идей, и в частности психоанализ, разработанный видным австрийским врачом Зигмундом Фрейдом (1856–1939) и развитый в работах психологов Э. Эриксона, К. Лоренца, Э. Фромма, А. Адлера, К. Хорни, О. Эйкхорна и многих других. Сторонники фрейдизма рассматривают агрессивное поведение и преступления на его основе в качестве естественного проявления человеческого поведения.

В целом для психологической школы в девиантологии решающим фактором выступают врожденные особенности человека, его вытесненные сексуальные влечения и связанные с ними психологические состояния.

В настоящее время большинство психологов и социологов признают, что особенности личности и мотивы ее поступков оказывают важное влияние на все виды девиантного поведения. Но, по-видимому, с помощью анализа какой-то одной психологической черты, конфликта или «комплекса» нельзя объяснить сущность преступности или любого другого типа девиации.

Антропобиологические и психологические направления исследований отклонений, ориентированные на индивида, имеют в социологии и криминологии важное методологическое значение, предоставляя богатый теоретический и эмпирический материал. Тем не менее, нельзя исчерпывающе объяснить сущность девиантного поведения только с помощью биологических и (или) психологических теорий. Многосторонний анализ и оценка влияния социальных фактов, ситуации, среды, культуры и социальной структуры на девиацию позволяют дать, прежде всего, собственно социологические теории отклоняющегося поведения. Именно в рамках **социологического направления** сформировались и развиваются социология девиантности и социального контроля как специальная социологическая теория. Однако стоит помнить, что основные социологические школы сформировались во второй половине XX в. во многом под влиянием идей биологических и психологических теорий.

Исследования социологов конца XIX – начала XX в. выявили связь отклоняющегося поведения с социальными условиями существования людей. Солидный статистический анализ различных аномальных проявлений (преступность, самоубийства, проституция), проведенный, в частности, Жаном Кетле, Эмилем Дюркгеймом за определенный исторический отрезок времени, показал, что число аномалий в поведении людей всякий раз неизбежно возрастало в периоды войн, экономических кризисов, социальных потрясений, что опровергало теорию «врожденного» преступника, указывая на социальные корни этого явления.

На сегодняшний момент социологическое направление изучения девиантного поведения изобилует множеством социологических теорий, школ и концепций. Кроме того, описание данного многообразия существенно затрудняет их многочисленные классификации.

Развитие социологического направления позитивистской криминологии неизменно связано с именем бельгийского математика и социолога А. Кетле (1796–1874). Опираясь на статистические исследования, А. Кетле выявил относительную стабильность преступности и отдельных ее видов в прошлом и настоящем. Указанную стабильность ученый предполагал использовать в прогнозировании преступности в будущем. В обобщающем труде «Социальная система и законы, ею управляющие» (1848) А. Кетле доказывает, что в хаосе общественной жизни проявляются статистические закономерности, все социальные феномены взаимосвязаны и влияют друг на друга. Устойчивые статистические характеристики преступности А. Кетле называет «таблицами преступности». В этих таблицах показана «склонность» к совершению преступлений различных возрастных групп населения. А. Кетле вывел общую закономерность преступности: «Склонность к преступлению возрастает довольно быстро, по мере достижения зрелого возраста, и затем, достигнув своего максимума, она уменьшается до конца жизни» [1, с. 89]. К факторам, влияющим на совершение преступлений, А. Кетле, помимо демографических, относит социальные (профессия, образование) и природные (климат, сезонность). Аналогичных взглядов придерживались французский юрист А. Герри, Г. Манхейм и пр. Развивающий «моральную статистику» Андрэ Мишель Герри (1802–1867) выявил определенное постоянство в статистике преступлений (количество преступлений в одних и тех же районах страны, а для разного рода преступлений – время года совершения и неизменность распределения преступников по полу и возрасту), первым приступил к статистическо-

му изучению мотивов преступлений, опроверг широко распространенное заблуждение, будто основной причиной преступлений является лишь низкий уровень образования. Г. Манхейм утверждал, что каждое общество обладает таким типом преступности и преступников, который соответствует его культурным, моральным, социальным, религиозным и экономическим условиям.

Прогрессивные идейные достижения А. Кетле, которые в той или иной степени разделяют и развивают все представители социологического направления, сводятся к следующему: преступность порождена обществом; она развивается по определенным законам под воздействием социальных и иных объективных факторов; ей присуща статистическая устойчивость; повлиять на преступность (с целью сокращения) можно только путем изменения (улучшения) социальных условий.

Экономические теории социологии девиантности связаны с именами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Бонгера, Г. Беккера и др. В «Манифесте Коммунистической партии» (1848) К. Маркса и Ф. Энгельса были заложены основы экономического детерминизма, а девиантное поведение выступало побочным продуктом экономических условий.

Разрабатываемая К. Марксом концепция отчуждения, значение противоречий и конфликтов как «двигателей истории», роль классовых различий и социально-экономического статуса и детерминации человеческого поведения и т.п. имеют девиантное значение. К. Маркс обратил внимание на существование корреляционных зависимостей между убийствами и самоубийствами, между убийствами, самоубийствами и смертной казнью. Ученый утверждал, что жестокость наказаний порождает жестокость преступлений, а не наоборот.

В. Бонгер в книге «Преступность и экономические условия» обосновывает роль капиталистической экономической системы в генезисе преступности. Преступность, согласно В. Бонгеру, сосредоточена в низших слоях общества, поскольку законодатель криминализирует деяния, порожденные бедностью и нищетой.

Во многих странах в конце XIX – начале XX в. были проведены криминологические исследования динамики корыстной преступности и цен на хлеб (зерно) как основного для того времени экономического показателя (Г. фон Майер). Наблюдаются устойчивые корреляционные связи: чем выше цена на хлеб, тем выше преступность.

На наш взгляд, примененный в экономических теориях девиации сравнительный анализ девиантных и экономических показателей (уровень безработицы, фондовый или децильный коэффициент, индекс Джинни и пр.) актуален по сей день. В современности экономическое направление развивает лауреат Нобелевской премии по экономике Г. Беккер и его последователи.

Дальнейший серьезный вклад в развитие социологии девиантности внесла теория аномии. **Теория аномии** – первая развернутая социологическая теория девиантности, принадлежит известному французскому социологу Э. Дюркгейму (1858–1917). Взгляды Э. Дюркгейма социологичны, для него первично общество, социальный факт, нежели индивид. Социальное должно объясняться социальным. Общество – это особая реальность, стоящая над индивидами, обуславливающая действия индивидов и осуществляющая над ними контроль.

В своей работе «Норма и патология» Э. Дюркгейм утверждает, что девиантное поведение присуще для обществ всех типов: «Преступления совершаются не только в большинстве обществ какого-либо одного определенного типа, но во всех обществах всех типов. Не существует общества, не сталкивающегося с проблемой преступности. Ее формы меняются; деяния, квалифицируемые в качестве преступных в одном месте, не являются таковыми везде; однако всегда и повсюду есть люди, которые ведут себя таким образом, что это навлекает на них уголовное наказание» [2, с. 39]. Само существование девиантного поведения является нормой, более того, Э. Дюркгейм утверждает, что «преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права» [2, с. 42]. Преступность представляется неотъемлемым атрибутом прогресса.

Э. Дюркгейм подчеркивал, что преступность (как и другие девиантные проявления) нормальна при условии, если «она достигает, но не превышает уровня, характерного для общества определенного типа» [2, с. 39–40]. Данная оговорка непосредственно относится к теории аномии. По Э. Дюркгейму, в стабильном обществе стабилен и уровень девиантных проявлений (пьянства, наркотизма, преступности, самоубийства и т.п.). Но в быстро меняющихся обществах, в условиях социальной дезорганизации наблюдается состояние социальной аномии.

По Э. Дюркгейму, аномия (от лат. *anomos* – беззаконный, безнормный, неуправляемый) – состояние общества или личного отношения к обществу, в котором имеются слабый консенсус, недостаток веры в ценности или цели, а также утрата эффективности нормативных и нравственных рамок, регулирующих коллективную (индивидуальную) жизнь. Это – состояние, возникающее, когда старые социальные нормы уже не работают, а новые еще не освоены («конфликт норм») или когда некоторые социально значимые сферы жизнедеятельности остаются неурегулированными («нормативный вакуум»). В подобном обществе резко возрастают проявления девиантности, превышая «нормальный» уровень. Э. Дюркгейм на примере самоубийств подробно теоретически и эмпирически обосновывает свою концепцию [3].

Весомый вклад Э. Дюркгейма в разработку проблем социальных девиаций подтверждается тем, что многие его идеи актуальны по сей день. Главный социологический вывод ученого: девиантность закономерна; девиации выполняют вполне определенные социальные функции; общество без девиаций (включая преступность) невозможно.

Концепция аномии, предложенная Э. Дюркгеймом, получила развитие у многих социологов, в частности у Р. Мертон и П. Сорокина.

Подобно Э. Дюркгейму, Р. Мертон рассматривает различные проявления девиантности как закономерное порождение социальных условий: «Нарушение социальных предписаний представляет собой «нормальную» (ожидаемую) реакцию» [4, с. 118].

Однако, по Р. Мертону, аномия представляет собой социальные ситуации и индивидуальные ориентации, не соответствующие определяемым культурой целям и доступностью институционализированных средств их достижения. Аномия возникает тогда, когда население не может легитимно достичь провозглашенных обществом, в качестве нравственного закона, целей.

В подобном случае на долю общества остаются только незаконные способы, благодаря которым люди приспосабливаются к аномии. Требования культуры, предъявляемые к конкретному лицу, оказываются несовместимыми, в связи с чем возникает напряжение («теория напряжения»).

Р. Мертон подробно изучал поведенческие реакции на аномию, в числе каковых он рассматривал преступления, правонарушения, психические расстройства, алкоголизм, наркоманию и пр. В зависимости от принятия (+) или непринятия, отрицания (–) целей и средств существует пять теоретически возможных типов поведения (табл. 1).

Таблица 1

Типы поведения (адаптации) по Р. Мертону [5, с. 105]

Тип	Определяемые культурой цели	Институционализированные средства
Конформизм	+	+
Инновация (реформизм)	+	–
Ритуализм	–	+
Ретретизм	–	–
Мятеж	– +	– +

Таким образом, индивиды, разделяющие цели общества и принимающие средства их достижения, будут вести себя законопослушно, конформно. Те, кто принимает цели, но не согласен с предоставляемыми средствами, будут предпринимать шаги по их улучшению, заниматься реформаторской, инновационной деятельностью. Ритуалисты, не принимающие цели, относящиеся к ним безразлично, но придерживающиеся легальных средств, будут беспрекословно следовать принятым нормам. Не принимающие ни цели, ни средства данного общества будут либо «бежать» из него, злоупотребляя алкоголем, наркотиками, кончая жизнь самоубийством, – ретретистское поведение, либо пытаться все изменить – мятежники, революционеры. Стоит отметить, все представленные типы адаптации относятся к «ролевому поведению», не относясь к личности в целом, оно не избирается сознательно и не является утилитарным. Указанные адаптации являются результатом напряжений в социальной системе, и «люди могут переходить от одной альтернативы к другой по мере того, как они вовлекаются в различные виды социальной деятельности» [5, с. 104].

Таким образом, если Э. Дюркгейм видел аномию в безнормности, в разрушении или ослаблении нормативной системы общества, то, по Р. Мертону, аномия подобна особому структурному разладу культуры, конфликту, дисбалансу между культурными ценностями и санкционированными институциональными средствами. Если по Э. Дюркгейму аномия возникает лишь в периоды быстрых общественных изменений, то для Р. Мертона рассогласование между социокультурными целями и легитимными средствами их достижения является постоянным фактором напряжения в социальной системе.

Концепция Р. Мертона вполне достоверно объясняет девиантное поведение «униженных и оскорбленных», т.е. лиц, находящихся внизу социальных структур. Тем не менее, важно учитывать, что преступления совершают и представители «благополучной» части населения. Изучением данного во-

проса занимались Г. Тард, Э. Сатерленд, Д. Кресси и др., формируя концепцию «**дифференцированной ассоциации**», или «**теории научения**».

Г. Тард одним из первых обратил внимание на то, что повышение благосостояния, уровня жизни, образования не влечет за собой сокращения преступности. Скорее – наоборот! Г. Тард одним из первых увидел широкое распространение преступности среди людей состоятельных и признаваемых честными.

Э. Сатерленд в 1939 г. впервые ввел в научный оборот понятие «преступность белых воротничков» (*White-collar Crime*), а в 1949 г. вышла его книга с одноименным названием, в которой подробно анализируется беловоротничковая преступность как пример криминальных действий и махинаций в сфере бизнеса. К типичным беловоротничковым деяниям относятся финансовые махинации корпораций, криминальные коммерческие сделки, лжебанкротства, взяточничество, предоставление «за вознаграждение выгодных контрактов», привилегий и т.п.

Теория дифференцированной ассоциации Э. Сатерленда впервые была изложена в «Принципах криминологии» (1939), а затем развита совместно с Д. Кресси. Согласно данной концепции, определенным поведенческим формам, как законопослушным, так и девиантным, обучаются, взаимодействуя с другими людьми в процессе общения. Основной причиной образования дифференцированных связей (ассоциаций) служит конфликт культур, а главной причиной систематического девиантного поведения – социальная дезорганизация.

Концепции Г. Тарда и Э. Сатерленда нередко рассматривают как «теории научения». Представленные в рамках «теории научения» концепции позволяют объяснить как «обычную» преступность, так и беловоротничковую. Однако она, как и любая другая теория, не могла ответить на ряд вопросов: почему люди имеют те связи, которые у них есть? Каково происхождение преступности и девиантности?

Крупным направлением в истории социологии и девиантологии является **Чикагская школа**, основу которой составили исследования в Чикаго в начале 20-х гг. прошлого столетия. Наиболее известные предшественники школы – Э. Бёрджесс, К. Шоу, Г. Маккей, Р. Парк, Ф. Трэшер и пр.

Чикагская школа прославилась прежде всего изучением влияния городской экологии на девиантность. В результате исследований город был разделен на концентрические зоны, отличающиеся своими функциями, составом населения, стилем жизни, социальными проблемами (преступностью, детской смертностью, туберкулезом, психическими расстройствами и пр.).

Несмотря на некорректность распространения результатов локального исследования на все случаи жизни, итоги работы данной школы велики: обширные исследования подростковой преступности, чикагских банд, применение тщательных эмпирических исследований девиантности (интервью, анкетные опросы, наблюдения, изучение библиографии, личных документов и пр.).

В современных исследованиях экологии города широко применяется метод «картрирования», привязки социального контроля к локальным условиям районов больших городов.

Теория субкультур возникла в результате исследований подростковой преступности и бандитизма. Американские социологи А. Козн, Р. Клауорд,

Л. Оулиан подчеркивали значение конфликта между ценностями, целями среднего класса и возможностями подростков из низших слоев достичь этих целей.

На недоступность ценностей культуры общества подростки реагируют созданием субкультуры со своими ценностями, целями и нормами. «Делинквентная субкультура извлекает свои нормы из норм более широкой культуры, выворачивая их, однако, наизнанку. По стандартам этой субкультуры поведение делинквента правильно именно потому, что оно неправильно по нормам более широкой культуры» [6, с. 318]. По А. Козну, делинквентная субкультура как протестная по отношению к культуре общества отличается неутилитарным, злостным и негативистским характером: «Здесь явно присутствуют элемент злоумышленности, удовольствие от причинения беспокойства другим, восторг от самого факта отвержения различных табу» [6, с. 317].

Р. Клауорд и Л. Оулиан также исходили из того, что «лица, занимающие различные положения в социальной структуре, не имеют равных шансов на успех» [7, с. 335]. Они выделили и описали следующие разновидности подростковой субкультуры: преступную, конфликтную и ретретистскую. Преступной субкультуре характерны интеграция субъектов на различных возрастных уровнях, тесная интеграция представителей общепризнанных и незаконных ценностей, т.е. взаимодействие преступников со средой, включая скупщиков краденного, юристов и пр. Конфликтная субкультура – продукт трущоб, мира неудачников. Молодым людям данной субкультуры присуще острое чувство разочарования, возникающее в результате блокирования доступа к цели успеха, отсутствия каких бы то ни было институционализированных каналов, законных или незаконных. Ретретистская субкультура состоит из тех, кто бежит от общества, но нуждается во взаимосвязях с себе подобными (прежде всего, субкультура наркоманов).

Сторонники теории субкультур уделяют значительное внимание соотношению различных видов девиантного поведения и социального контроля. Отрицая репрессивное уголовное законодательство, социальный контроль ложится на плечи медицины, образования и иных возможностей для повышения статуса.

К **теориям стигматизации** (этикетирования, клеймения, интеракции) относят концепции «драматизации зла» Ф. Танненбаума, «социальной идентичности» И. Гоффмана, «вторичной девиации» Е. Лемерта и «девиантной карьеры и этикетирования» Г. Беккера.

По мнению греков, стигматизированный человек – отвергнут от общества, заклеямен, признан «чужим среди своих» [8, с. 140].

Общество устанавливает способы категоризации людей и определяет набор качеств, которые считаются естественными и нормальными для каждой из категорий. На эту особенность «квалифицировать» действия, поступки, поведение других обратил внимание Г. Мид, предложивший на ее основе концепцию символического интеракционизма. Данную концепцию, применительно к криминологии, рассматривал и Ф. Танненбаум. Он утверждал, что процесс криминализации – это процесс наклеивания ярлыков. В повседневной речи используются термины для обозначения стигмы (например, «алкоголик», «хулиган», «проститутка» и пр.), причем, как правило, мало кто задумывается об их исходном значении, а склонно приписывать человеку длинный ряд несовершенств на основе какого-то из них. В результате подросток становится плохим, потому что так его называют окружающие.

Г. Беккер – известный американский ученый, посвящающий свои работы «человеческому капиталу», расовой дискриминации и ее влиянию на рынок труда, экономике преступности и наказания, удостоенный в 1992 г. Нобелевской премии, разработал модель «девиантной карьеры». Так, подросток, совершивший неблагоприятный поступок, подвергается официальному клеймению как нарушитель, преступник, девиант. С указанного момента индивид начинает отождествлять себя с присвоенным ярлыком, и рецидивы девиантного поведения становятся ответом на реакцию общества, на давление социального контроля. В случае если индивид не найдет в себе сил вернуться к правопослушному поведению, то последним шагом в девиантной карьере будет вступление в преступную организацию.

Е. Лемерт, разделяя взгляды коллег, ввел понятие «вторичной девиации». Первичная девиация – это девиантные действия до акта официального клеймения, стигматизации. Вторичная девиация развивается после клеймения и как реакция на него. Сторонниками рассматриваемого направления также считаются Э. Шур, выявивший понятие «преступление без жертв» (потребление алкоголя, наркотиков, занятие проституцией и пр.), Ф. Зак, считающий, что подавляющее большинство взрослого населения современного общества хоть раз в жизни совершает преступление, но лишь официальное признание того делает его преступником.

В целом теория стигматизации вскрывает существенный пласт взаимоотношений преступника и общества, страдая определенной односторонностью. При широкой трактовке стигматизации получается, что если упразднить стигматизацию (клеймление), то исчезнет и девиантность. Невозможно также уничтожить нормативную систему общества или, по меньшей мере, все запрещающие нормы, без которых социальная система существовать не может.

Тем не менее, согласно концепции стигматизации можно сделать ряд практических выводов:

- необходимо отказаться от криминализации незначительных по своей опасности деяний, а также «преступлений без жертв»;
- для сокращения делинквентности подростков следует отделить их от традиционной системы уголовной юстиции, предельно сократив в их отношении формальные санкции, заменяя их неформальными или мягкими неформальными подходами;
- возможно большинство нарушителей должно оставаться не в своей общине, как можно меньшее их число должно осуждаться к лишению свободы, которое максимально заменяется альтернативными мерами воздействия.

Теории конфликта объединяют значительный круг концепций, берущих начало от социологических теорий конфликта, связанных с именами К. Маркса, Г. Зиммеля, Р. Дарендорфа, Л. Козера. *Их общая суть – вскрытие конфликтной природы социального быта в отличие от структурно-функционального подхода* (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон и пр.), *тяготеющего к порядку, равновесию, устойчивости.*

Для К. Маркса конфликт – неизбежное порождение социальной системы. Г. Зиммель также говорил, что конфликт неизбежен в социальных системах, но природа конфликта – в биологической природе людей, в инстинкте враждебности. Л. Козер видел конфликт результатом борьбы за дефицитные ресурсы, кроме того, подчеркивал позитивные функции конфликта, его инте-

грационные и адаптационные возможности. Р. Дарендорф в основе социальных конфликтов видел дифференцированное распределение власти.

Одной из первых девиантологических теорий конфликта была концепция конфликта культур Т. Селлина, определяющая, что конфликт культур возникает, когда представители одной культуры попадают в среду распространения другой культуры. Дж. Волд, выдвинувший концепцию группового конфликта, полагал, что каждая социальная группа старается сохранить или повысить свой статус. О. Тэрк и Р. Куинни считали, что в обществе идет постоянная борьба за власть, вследствие которой властные структуры постоянно используют криминализацию в целях давления и подавления.

В целом, ученые, придерживающиеся теории конфликта, исходят из того, что конфликт – это естественное состояние человеческого общества.

Подводя итог рассмотренным социологическим теориям происхождения девиаций, можно выделить, что их ключевые положения сводятся к признанию норм и отклонений социальными конструктами, имеющими конвенциональную или репрессивную природу. Принципы социологического подхода неоднократно подтверждались и остаются главенствующими среди специалистов, занимающихся проблемой девиантного поведения.

Несмотря на широкое распространение социологического направления рассмотрения девиации, было бы несправедливо указать и на его недостатки. Т. А. Хагуров, говоря об одном из методологических принципов социологического подхода к изучению девиантности (гласящего, что девиантность социально определена, и никакое поведение само по себе девиантным не является, но становится таковым при отклонении от социально признанных (здесь и сейчас) стандартов), указывает на его недостаток в силу того, что «в условиях плюрализма ценностно-нормативных систем, элементы которых свободно циркулируют в глобальном информационном пространстве, данная методология оказывается неэффективной» [9, с. 29]. Безусловно, современная информатизация общества смыкает многие границы, в том числе и нормативно-ценностные, тем не менее, базовые, общечеловеческие принципы присущи всем цивилизованным обществам.

Кроме того, социологическое направление, отражающее комплексы причин, условий и факторов, влияющих на возникновение девиантности, имеет еще одно слабое место: в нем не уделялось особого внимания механизмам воспроизводства девиантности. Т. В. Шипунова в своей работе представила концепцию воспроизводства девиантности в обществе, тем самым восполнив недостающий фрагмент рассматриваемой нами проблемы. Она в качестве основных явлений, отражающих процесс девиации, выделяет социальное исключение, отчуждение, насилие и агрессию [10, с. 120].

Социальное исключение представляет собой разрыв связей, за которым следует кризис личностной идентичности и социальная дисквалификация человека. Отчуждение же представляет собой внутреннее состояние человека, когда он оказывается исключенным из активной социальной жизни. Отчуждение служит причиной множества видов девиантного поведения, ибо из-за закрытия доступа к легитимным формам социального взаимодействия человек неизменно ищет им замену. Что касается термина «агрессия», то существует масса подходов, объясняющих источник и (или) способы ее объяснения: психоаналитический, когнитивный, биологизаторский и пр. Тем не менее, общего определения пока не выработано, и понимание данного феномена происходит на интуитивном уровне. Насилие представляет собой, по опреде-

лению Т. В. Шипуновой, «воздействие одного социального агента на другого, которое причиняет ему ничем не заслуженный физический и (или) психологический вред либо превышает меру эквивалентного воздействия в ответных реакциях» [10, с. 129].

Рассмотрев некоторые подходы к трактовке девиантного поведения (биологический (антропологический), психологический и социологический), стоит отметить, что абсолютно все теории несут в себе определенные несовершенства. Тем не менее, социологический подход в изучении девиантного поведения является центральным, и концепции, присущие ему, безусловно, станут главенствующими при разработке междисциплинарного подхода к изучению девиантного поведения.

Список литературы

1. **Кетле, А.** Социальная система и законы, ею управляющие : пер. с франц. / А. Кетле. – СПб. : Издание Н. Поляков и Ко, 1866. – 313 с.
2. **Дюркгейм, Э.** Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М. : Прогресс, 1966. – С. 39–44.
3. **Дюркгейм, Э.** Самоубийство: Социологический этюд : пер. с фр. / Э. Дюркгейм ; под ред. В. А. Базарова. – М. : Мысль, 1994. – 399 с.
4. **Мертон, Р. К.** Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон // Социологические исследования. – 1992. – № 2. – С. 118–124.
5. **Мертон, Р. К.** Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон // Социологические исследования. – 1992. – № 3. – С. 104–114.
6. **Коэн, А.** Содержание делинквентной субкультуры / А. Коэн // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М. : Прогресс, 1966. – С. 314–321.
7. **Клауорд, Р. А.** Дифференциация субкультуры / Р. А. Клауорд, Л. Е. Оулин // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М. : Прогресс, 1966. – С. 334–354.
8. **Липай, Т. П.** О проявлении стигматизации в процессе образования / Т. П. Липай // Социологические исследования. – 2004. – № 10 (246). – С. 140–141.
9. **Хагуров, Т. А.** Методология девиантологических исследований феномена массовой культуры и порождаемого ею типа человека / Т. А. Хагуров // Девиантное поведение: методология и методика исследования / под ред. М. Е. Поздняковой. – М. : Реглант, 2004. – С. 27–37.
10. **Шипунова, Т. В.** Социальное исключение, отчуждение, насилие и агрессия как механизмы воспроизводства девиантности / Т. В. Шипунова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – № 4 (33). – С. 120–136.

Кошарная Галина Борисовна

доктор социологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
социологии и управления персоналом,
Пензенский государственный
университет

E-mail: k-galina@lyandex.ru

Kosharnaya Galina Borisovna

Doctor of Sociological sciences, professor,
head of sub-department of sociology
and human resource management,
Penza State University

Мордишева Людмила Николаевна

аспирант, Пензенский
государственный университет

E-mail: siup@pnzgu.ru

Mordisheva Lyudmila Nikolaevna

Postgraduate student,
Penza State University

УДК 316.72

Кошарная, Г. Б.

Основные подходы к изучению девиантного поведения / Г. Б. Кошарная, Л. Н. Мордишева, // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 1 (13). – С. 70–81.